

УДК 316.6

ДЕЯНИЕ, УМЫСЕЛ И ЦЕЛЬ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ПСИХОЛОГО – ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

THE ACT, INTENT AND PURPOSE IN EXTREMIST CRIMES: A PSYCHOLOGICAL AND LEGAL ANALYSIS ¹⁴

**С.Б. Целиковский ¹, О.А. Романко ², А.А. Лицук ²
S.B. Tselikovsky, O.A. Romanko, A.A. Litsuk**

¹⁾ Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону, 344006, ул. Зорге, 21

²⁾ Нижневартковский государственный университет, Россия, г.Нижневартовск, 628600, ул. Ленина, 56

E-mail: sts@donpac.ru, romankooa@yandex.ru, litsuk@yandex.ru

Аннотация: В статье производится психолого-правовой анализ особенностей оценки общественной опасности преступлений экстремистской направленности, их отличий от экстремистской деятельности, содержания и психологического смысла соответствующих деяний, обосновывается важность определения истинной направленности и целей субъекта для доказательства наличия прямого умысла. С психологической точки зрения любой внешний, объективно фиксируемый результат действий для субъекта может выступать, строго говоря, только как промежуточная цель. Ведь конечной целью любого человеческого действия является реализация побуждающего мотива и удовлетворение стоящей за ним потребности. А достижение внешних целей, в том числе и тех, что предусмотрены в качестве признаков преступлений в уголовном кодексе, выступает для субъекта скорее как средство, способ достижения внутренней, конечной цели. Поэтому верная оценка истинной направленности действий лица, подозреваемого или обвиняемого в преступлении экстремистской направленности, невозможна без выявления мотивов, по которым он совершил инкриминируемые ему деяния. Однако обсуждение этой проблемы уже выходит за пределы данной статьи.

Abstract. The paper presents a psychological and legal analysis of estimates given to public danger of extremist crimes, their differences from extremist activities, the content and psychological meaning of the relevant acts, and justifies the importance of identifying the true focus and objectives of a subject's act to be used as evidence of his or her direct intent. From a psychological point of view, any external, objectively fixed result of a subject's act can serve as a strictly interim objective, since the ultimate objective of every human action is to implement the inducements and needs behind it. The achievement of external objectives, including those provided as evidence of crimes in the Criminal Code, serves as a means for achieving inner ultimate objectives of a subject. Therefore, it is impossible to assess the true focus of actions of a person who is suspected or accused of extremist crimes correctly without revealing the motives of the committed offenses. However, the discussion of this issue goes beyond the scope of this paper.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, экстремистская деятельность, направленность, умысел и цель деяния, содержание и психологический смысл деяния.

Keywords: extremist crimes; extremist activities; focus; intent and purpose of an act; content and psychological meaning of an act.

Введение

В настоящее время наблюдается рост социальных, межнациональных, межкультурных, межконфессиональных и тому подобных конфликтов, индивидуальных и групповых преступлений на этой почве, что создаёт существенную угрозу обществу и государству. Этим оправдывается установление в России административной и уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности, их оценка как представляющих высокую общественную опасность.

¹⁴ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №16-29-09503.

Государственный регистрационный номер ЦИТиС: АААА-А16-116060710104-9

Название: «Информационно-психологическое противодействие идеям экстремизма и терроризма в сети Интернет»

Объекты и методы исследования (теоретический анализ понятий)

Общественная опасность является одним из ключевых признаков деяния, которое признаётся преступлением в УК РФ [1]. При этом подчёркивается, что малозначительность (с точки зрения фактической опасности) деяния является основанием для того, чтобы не признать его преступлением, даже при формальном наличии признаков, предусмотренных УК РФ в его Особенной части.

Результаты и их обсуждение

Общественная опасность является так называемым материальным признаком преступления, который считается объективным и неизменным. Она определяется через причинение существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, интересам, ценностям либо через угрозу причинения такого вреда. Однако характер и степень общественной опасности преступления могут быть разными. Характер общественной опасности в ряде случаев может быть оценен априорно, поскольку зависит от часто заранее известных ценности объекта посягательства, возможного вида причиняемого вреда, допустимой формы вины. Поэтому он вполне может быть зафиксирован в так называемом формальном составе преступления.

В отличие от характера, степень общественной опасности конкретного преступления априорно оценить крайне сложно и даже невозможно, поскольку она зависит от вида и величины реального ущерба, от степени вины посягающего, от способа, места, времени и других обстоятельств совершения конкретного преступления. Заметим, что среди этих обстоятельств весьма важное место занимают внутренние для посягателя, т.е. обстоятельства и факторы психической природы. Корректность выявления и оценки этих обстоятельств и факторов имеет не только правовой, но и психологический аспект.

Подчёркнём, что в пункте 3 статьи 60 УК РФ сказано, что «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного...». Т.е. степень общественной опасности конкретного преступления, которая может быть оценена только после его совершения и наступления последствий, необходимо, согласно УК РФ, учитывать при индивидуализации наказания.

Однако учёт степени общественной опасности возможен только для преступлений с так называемым материальным составом. Для их констатации необходимо реальное наступление общественно опасных последствий. В отличие от этого, для констатации преступлений с формальным составом (которых в УК РФ большинство) наступление общественно опасных последствий не обязательно!

Здесь, по мнению многих юристов, есть определённая коллизия. Так, С.В. Сыс проводит разграничение понятий «общественная опасность преступления» и «общественная опасность совершенного преступления». Критикуя имеющиеся попытки свести оценку общественной опасности преступлений к оперированию категориями, к которым они отнесены в УК, он указывает, что формально одинаковые преступления, относящиеся к одной и той же категории, влекущие ответственность по одной и той же статье УК, могут быть различны с точки зрения характера и степени общественной опасности последствий их совершения, а, значит, и с точки зрения строгости надлежащего наказания. Автор делает вывод, что если «"общественная опасность преступления" позволяет определить круг возможных преступных деяний и определить общие границы ответственности за них», то «..."общественная опасность совершенного преступления" даёт возможность установить наличие преступления в конкретных деяниях преступника и назначить ему конкретное наказание с учётом всех объективных и субъективных признаков конкретного преступного деяния» [Сыс С.В., 2015].

На наш взгляд, в случаях преступлений с формальным составом (а также и с так называемым усечённым составом) затруднено или невозможно выполнение оценки реальной общественной опасности совершенного преступления, которая подменяется априорной оценкой общественной опасности данной категории преступлений, зафиксированной в соответствующей статье УК РФ в уровне строгости предусмотренного за него максимального наказания. Как показывает К.И. Алферов, в этом случае затруднена констатация соответствия между фактическими обстоятельствами совершенного общественно опасного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовным законом, т.е. его полноценная квалификация. Вместе с тем он утверждает, что составы, которые законодатель объявляет законченными на стадии приготовления и покушения без реального причинения ущерба объекту, целесообразны якобы потому, «что они исключают необходимость при особо опасных формах приготовления доказывать наличие умысла в отношении преступного результата» [Алферов К.И., 2015].

Мы обнаружили, что и в ряде случаев, когда инкриминируются преступления с формальным составом, ситуация весьма сходна. Такие преступления совершаются только с

прямым умыслом, однако именно доказательству наличия прямого умысла субъекта часто не уделяется достаточного внимания. Показательными в этом отношении являются преступления экстремистской направленности, на анализе значения и путей определения субъективной стороны которых мы далее остановимся.

Прежде всего, отметим, что, несмотря на довольно активное обсуждение в юридических кругах понятия «преступления экстремистской направленности» в последние годы, его содержание остаётся недостаточно определённым. Имеются случаи подмены этого понятия иными – «экстремизм», «экстремистская деятельность». Закономерная критика таких подмен даётся, например, В.В. Видякиным и М.С. Фокиным. Они предлагают называть преступлениями экстремистской направленности, прежде всего, деяния, предусмотренные уголовно-правовыми нормами, «... в которых мотив идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является квалифицирующим признаком» [Видякин В.В. и Фокин М.С., 2010]. При этом такие преступления предлагается исключить из состава экстремистской деятельности.

На первый взгляд, такое предложение имеет рациональные основания, однако оно не свободно от противоречий. Так, например, статья 280 УК РФ предусматривает ответственность за «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Возникает вопрос: «а сами такие призывы являются экстремистской деятельностью или представляют собой преступление экстремистской направленности? Видимо, должен быть дан первый вариант ответа, поскольку в статье ничего не говорится о мотивах, по которым совершаются такие призывы. Следует заметить, что в УК РФ вообще отсутствует определение понятия «экстремистская деятельность», хотя в ряде статей оно используется (например, в ст. 104.1 «Конфискация имущества», в уже упомянутой ст. 280 и т.д.) в составе квалифицирующих признаков. Определение этого понятия дано вне УК, в Федеральном законе от 25 июля 2002 года N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с учётом последних редакций) [5].

Беспрецедентность ситуации, когда содержание квалифицирующего признака, согласно которому деяние может быть признано преступлением, определяется не статьёй УК, а иным правовым документом, достаточно широко обсуждалась, правда, без заметных результатов. Обратим внимание на другое. В вышеупомянутом ФЗ определения только части деяний, отнесённых к экстремистской деятельности, содержат указание на их связь с социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью людей. При этом единственным пунктом при перечислении деяний, относящихся к экстремистской деятельности, где упоминается мотив, является ссылка на ст. 63 УК РФ: «совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте "е" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». Таким образом, для квалификации большинства видов экстремистской деятельности, перечисленных в Федеральном законе N 114-ФЗ, определения мотивов, по которым они совершаются, не требуется. Следовательно, понятие «экстремистская деятельность» является более общим, родовым по отношению к понятию «преступления экстремистской направленности».

Именно последние представляют особый и теоретический, и практический интерес для психологического анализа. Прежде всего обратим внимание на сходства и различия в формулировках Федерального закона и Уголовного Кодекса РФ. С одной стороны, в Федеральном законе N 114-ФЗ выделяются такие виды экстремистской деятельности как 1) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; 2) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии. С другой стороны, существует статья 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», в которой говорится о действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

При некотором поверхностном сходстве формулировок они, по нашему мнению, принципиально различны. В федеральном законе речь, видимо, идёт о «возбуждении» либо как о процессе, либо как о результате некоего воздействия. Т.е. субъект «экстремистской деятельности», надо понимать, как-то воздействует на некую неопределённую аудиторию людей (или даже одного человека?), и в результате этого воздействия происходит «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» у этой аудитории.

Здесь не только ничего не говорится о мотивах этого воздействия, но не раскрывается и содержание самого воздействия. Речь идёт только о его эффекте, возникающем в головах у некой аудитории. Ведь в данном случае психологический смысл слова «рознь» – это негативное переживание реальных или мнимых отличий членов одной группы от членов другой группы, которое может приобретать форму неприязни, зависти, вражды, ненависти, неприятия, отвержения и т.п. Это

психическое явление принадлежит не деятелю, а объекту воздействия, не коммуникатору, а реципиенту. Если же кто-то считает, что само воздействие и заключается в непосредственном «возбуждении» розни, тем самым он предлагает признать возможность непосредственного «пересаживания» переживания в психику другого человека посредством некоего «прямого подключения» к ней. В действительности, психологическое воздействие с возможным результатом подобного рода всегда носит опосредованный характер. Оно включает в себя сочетание конкретных коммуникативных (информирование, убеждение, внушение, заражение и т.п.), а, возможно, и физических действий, эффект от которых зависит не только от деятельности воздействующего, но и от свойств и состояния аудитории, а также от ситуации и обстоятельств воздействия.

Получается, что в данном случае предлагается наказывать не за конкретные действия субъекта (они не определены в законе), а за их психологический эффект, который может быть весьма различен в зависимости от того, на кого или на что они направлены. Для иллюстрации можно привести такой пример. Представим себе, что в присутствии некоей аудитории иного вероисповедания правоверный мусульманин прерывает важную совместную деятельность или общение для того, чтобы совершить очередной намаз – ежедневную обязательную пятикратную молитву по строго определённым правилам. Или некий иноверец в присутствии ортодоксального иудея принимается за выполнение работы в субботний день. Могут ли такие действия «возбудить» переживания религиозной розни? Полагаем, что да, но только совсем не обязательно, поскольку эффект зависит от психических свойств, взглядов и отношений того, кто воспринимает эти действия. И абсурдно выглядело бы требование рассматривать подобные действия как «экстремистскую деятельность» только потому, что в принципе они могут вызвать эффект «возбуждения розни» у некоторых людей.

Из сказанного следует, что административное или уголовное преследование за данный вид «экстремистской деятельности» будет оправданным только тогда, когда будет чётко сформулирован исчерпывающий перечень относящихся к нему действий конкретного содержания и формы, причём этот перечень должен быть психологически обоснован в аспекте вероятности получения выраженного эффекта «возбуждения розни» (упомянутых в законе видов) у некоей среднестатистической аудитории. Полагаем также, что в перечень таких действий могут входить только те, которые используются для целенаправленного психологического воздействия. Здесь мы вновь приходим к необходимости обнаружения определённой цели деятельности для того, чтобы она была признана экстремистской. А именно – необходимо доказать, что оказываемое психологическое воздействие было осознанно направлено на возбуждение розни, т. е. совершалось с прямым умыслом.

Что касается «пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека...», то в данном случае, напротив, упоминается определённая категория психологических воздействий (пропаганда), направленных на передачу определённых идей, установок, интерпретаций с расчётом на их усвоение какой-либо аудиторией. Зато ожидаемый эффект производимых действий (факт и степень усвоения) не упоминается, так как, видимо, не обязателен, важно само их осуществление. Пропаганда также может осуществляться только с прямым умыслом, так как, очевидно, направлена на то, чтобы пропагандируемое содержание было усвоено аудиторией.

Важно отметить, что тщательный анализ определений вышеперечисленных двух видов «экстремистской деятельности», предусмотренных Федеральным законом N 114-ФЗ, показывает, что они не имеют точного соответствия в статьях УК РФ, а, значит, в настоящее время уголовно не наказуемы! Действительно, в близкой по содержанию статье 282 УК РФ говорится о действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Т.е. в Федеральном законе речь идёт об эффекте действий – возникающем у аудитории «возбуждении розни», но не упоминается о направленности действий на такой эффект. По сути дела, мы можем здесь говорить о криминализируемом деянии с материальным составом – важны последствия, при этом умысел не важен.

А в статье 282 подчеркивается направленность неких действий на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства. Здесь обязательным признаком становится прямой умысел, а вот произошло ли в действительности возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства какого-либо человека или группы лиц, значения не имеет. Т.е. последствия уже не важны, достаточно осуществления самих действий с определённой осознанной целью для констатации законченного преступления. Это характерно для преступлений с так называемым формальным составом.

Обратим внимание также на то, что выявленные несоответствия не исчерпываются только тем, что в одном случае «возбуждение» – это результат, а в другом – цель потенциально наказуемых действий. Удивительно, но в ФЗ речь идёт о возбуждении розни, а в статье УК – о возбуждении ненависти либо вражды, а понятие «рознь» вовсе не применяется! Идёт ли при этом речь о разных деяниях, или содержание понятия «рознь» сводится к ненависти либо вражде? Несмотря на то, что в часто цитируемом толковом словаре С.И. Ожегова понятие «рознь» в первом значении определяется

как «вражда, ссоры», выясняется, что в нём и понятие «вражда» определяется через понятие «ненависть», и понятие «ненависть» – через понятие «вражда» [Ожегов С.И., Шведов Н.Ю., 1999]. Вряд ли стоит рассматривать такой источник как достаточный для трактовки соответствующих понятий.

В работе Осадчего М.А. дается достаточно ясное определение понятий «ненависть» и «вражда», фигурирующих в ст. 282 УК РФ. Он пишет: «Ненависть является чувством сильнейшей неприязни. Вражда обычно трактуется как объективированная форма ненависти. Следовательно, понятия ненависти и вражды тесно взаимосвязаны. Однако между этими явлениями есть существенное различие: ненависть – это психологическое состояние, вражда же – деятельность или готовность к деятельности. Можно сказать, что ненависть представляет собой начальную стадию вражды, в то время как вражда – ненависть, проявленная физически» [Осадчий М.А., 2007]. Как видим, здесь понятие «рознь» для раскрытия понятий «ненависть» и «вражда» не употребляется. Заметим кстати, что психологически более корректным является определение ненависти как чувства, а не состояния. Обратимся к словарю по психологии: «Ненависть – стойкое активное отрицательное чувство субъекта, направленное на явления, противоречащие его потребностям, убеждениям или ценностям. Способна вызвать не только соответствующую оценку своего предмета, но и активную деятельность, направленную против него. Формированию ненависти обычно предшествует острое недовольство, вызванное нежелательным развитием событий, или систематическое накопление более слабых воздействий от источника отрицательных переживаний; тогда предметом ненависти становится реальная или воображаемая причина этих событий» [Шапарь В.Б., 2005]. В свою очередь, чувство это «... одна из основных форм переживания человеком своего отношения к предметам и явлениям действительности, отличающаяся относительной устойчивостью...» [Шапарь В.Б., 2005]. Таким образом, формирование и укрепление отрицательного отношения человека к чему-либо или кому-либо – основа для возникновения у него устойчивого чувства ненависти к этому объекту. А сформировавшееся чувство ненависти, в свою очередь, может находить свое выражение как в возникновении соответствующих эмоциональных состояний при столкновении со своим объектом, так и в поведенческих проявлениях вражды по отношению к нему.

Обратимся для понимания содержания термина «рознь» в Федеральном законе N 114-ФЗ ко второму его значению по С.И. Ожегову: «Далеко не одно и то же, различны (разг.)». Рознь как признание и негативное переживание различий между группами людей лежит в основе такого явления, как «ксенофобия». Ксенофобия, по С.И. Ожегову, это «Ненависть, нетерпимость к чужому, чужому, незнакомому, иностранному» [Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., 1999]. Таким образом, связь между понятием «рознь» в Федеральном законе и понятиями «ненависть» и «вражда» в ст. 282 УК РФ может быть установлена посредством понятия «ксенофобия», которое, видимо, и следовало употребить в обоих правовых документах.

Аналогичны расхождения между формулировкой в Федеральном законе такого вида экстремистской деятельности, как «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека...» и формулировкой в статье 282 УК РФ «действия, направленные ... на унижение достоинства человека либо группы лиц...». Только при очень тенденциозной интерпретации этих двух формулировок можно сделать вывод об их совпадении по смыслу. Из пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности кого-либо совсем не обязательно следует унижение чьего-то достоинства, и, наоборот, унижение достоинства может быть следствием и иных действий, а не только пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности. Тем более, что в первом составе, как уже было показано, наступление последствий не важно, а ведь унижение достоинства можно рассматривать именно как возможный результат такой пропаганды, который может и не охватываться прямым умыслом пропагандирующего.

Как видно из сказанного выше, понятия умысел и цель преступлений экстремистской направленности тесно взаимосвязаны. Согласно пункту 1 статьи 25 УК РФ («Преступление, совершенное умышленно»), «Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления». Прямой умысел, с точки зрения психологии, и выражается в направленности совершаемых действий на определенный результат (в том числе таких, как «возбуждение ненависти либо вражды», «унижение достоинства» и т.п.), предполагает их подчиненность сознательно поставленной цели.

Таким образом, прямой умысел и цель преступлений, предусмотренных статьёй 282 УК РФ, обнаруживаются, на наш взгляд, уже в том, что в ней указывается на «направленность» наказуемых действий.

Однако связь понятий «прямой умысел» и «цель» не означает их совпадение. Понятие «прямой умысел» связывается с тем, что субъект предвидит наступление общественно опасных последствий и желает их наступления. Но является ли при этом наступление общественно опасных последствий конечной целью для субъекта даже в случаях доказанного прямого умысла?

Критикуя попытки отождествления цели и последствий преступного деяния, А.И. Парог указывает: «Цель никогда не совпадает с последствиями и отделена от него во времени. Квалификация преступления определяется постановкой цели, а вовсе не ее реализацией. Именно наличием цели, находящейся за рамками объективной стороны преступления с материальным составом, обусловлено повышение общественной опасности деяния. Поэтому в одних случаях именно благодаря наличию у правонарушителя специальной цели деяние становится уголовно наказуемым, а в других – такая цель обосновывает усиление ответственности за деяние, которое является преступным и без этой цели» [Парог А.И., 2009].

Смирнов В.А., опираясь на подход О.С. Капинус, рассматривает три варианта соотношения цели и преступного результата. В первом варианте конечная цель субъекта совпадает с преступным результатом. Во втором преступный результат является для субъекта промежуточной целью, необходимой для достижения конечной цели. В третьем преступный результат является «побочным итогом» и не влияет на достижение конечной цели. Смирнов В.А. отмечает, что «Здесь результат может восприниматься лицом, совершающим преступление, либо как неожиданный, незапланированный, либо как ожидаемый, но не принципиальный. В любом случае он никак не приближает исполнения задуманного» [Смирнов В.А., 2014]. Нам представляется, что третий вариант соотношения цели и преступного результата имеет место в случаях, когда преступление совершается неумышленно (по неосторожности) либо с косвенным умыслом. В случае деяния экстремистской направленности такой вариант не позволяет признать их преступлением, поскольку для этого необходимо наличие прямого умысла. Следовательно, для того, чтобы упоминающиеся в ст. 282 УК РФ действия были признаны преступлением, необходимо доказать, что конечной или промежуточной целью субъекта было именно «возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе». Если возможность такого результата была для субъекта непредвиденной, либо ожидаемой, но не принципиальной для достижения его целей, то следует констатировать отсутствие состава преступления.

Заключение

Заметим в заключение, что с психологической точки зрения любой внешний, объективно фиксируемый результат действий для субъекта может выступать, строго говоря, только как промежуточная цель. Ведь конечной целью любого человеческого действия является реализация побуждающего мотива и удовлетворение стоящей за ним потребности. А достижение внешних целей, в том числе и тех, что предусмотрены в качестве признаков преступлений в уголовном кодексе, выступает для субъекта скорее как средство, способ достижения внутренней, конечной цели. Поэтому верная оценка истинной направленности действий лица, подозреваемого или обвиняемого в преступлении экстремистской направленности, невозможна без выявления мотивов, по которым он совершил инкриминируемые ему деяния. Однако обсуждение этой проблемы уже выходит за пределы данной статьи.

Литература

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.03.2016). Электронный ресурс: <http://ukodeksrf.ru>. Дата последнего обращения 04.09.2016.
2. Сыс С.В. 2015. Об оценке общественной опасности и разграничении понятий «общественная опасность преступления» и «общественная опасность совершённого преступления» // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы. Материалы VI международной научно-практической конференции. – Курск: Юго-Западный государственный университет, с.: 116-121.
3. Алферов К.И. 2015. Особенности квалификации преступлений с усеченным составом // European research, № 3 (4), с. 79-83.
4. Видякин В.В., Фокин М.С. 2010. Соотношение понятий «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности» // Вестник Омского университета. Серия «Право», № 4 (25). С. 168–171.
5. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" (с изменениями и дополнениями). Электронный ресурс: <http://base.garant.ru/12127578>. Дата последнего обращения 04.09.2016.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 1999. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, – 944 с.
7. Осадчий М.А. 2007. Правовой самоконтроль оратора. – М.: Альпина Бизнес Букс, – 316 с.
8. Шапарь В.Б. 2005. Словарь практического психолога. М.: АСТ; Харьков: Торсинг, – 734 с.
9. Парог А.И. 2009. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: Практическое пособие. М.: Проспект, 181 с.
10. Смирнов В.А. 2014. Цель как признак субъективной стороны преступления // Сибирский юридический вестник, № 1 (64), с.65-72.